

УЧЕННЫЕ ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

Известия ТСХА, выпуск 3, 2008 год

УДК 001:63(091)

СЕССИЯ ВАСХНИЛ, АВГУСТ 1948 г. УРОКИ НА БУДУЩЕЕ

В.М. БАУТИН, В.И. ГЛАЗКО

Обсуждаются пути формирования условий, приведших к разгрому генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Рассматриваются этапы борьбы между «классической» и «мичуринской» генетикой как результат противостояний внутри властных структур.

60 лет тому назад, с 31 июля по 7 августа 1948 г. проходила сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина, организованная с целью объявить стране и миру, что отныне компартия (то есть Сталин) запрещает в нашей стране исследования в области генетики.

Сталин не сразу принял это беспрецедентное решение. Разгрому августа 48-го предшествовало укрощение литературы, музыки, философии, других областей науки, имевшее несколько этапов. Но даже на этом фоне августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. стала уникальным событием. Сессия провозгласила в стране с богатейшими научными традициями официальный запрет на исследования в области структурно-функциональной организации наследственного материала и законов наследования.

Что же послужило причиной этого события 60-летней давности? Понять это достаточно трудно, если не представлять соответствующего тому времени социального контекста. Важно подчеркнуть, что обсуждение персоналий в том или другом повороте истории всегда не очень продуктивно, потому что сразу приводит к извечной ловушке таких дискуссий, вопросу еще школьного возраста — о роли личности в истории. Извечный вопрос, не имеющий решения — о соотношениях между историческим заказом и исполнителями. Поэтому, по-видимому, в обсуждении каждого исторического поворота

имена, в каком-то смысле, псевдонимы исполнителей ролей, заказанных другими причинами. А индивидуальные особенности исполнителей только придают определенные оттенки рисунку роли. Никто ведь не будет оспаривать того, что государственная власть, вынесшая запрет на генетические исследования, сделала это не на основании глубокого научного анализа и не в борьбе за научную истину. Или то, что относительный вклад факторов наследственности и факторов окружающей среды в формирование и проявление количественных признаков обсуждался веками и будет обсуждаться дальше.

Понятно, что в современной генетике эта проблема рассыпалась на выявление разных групп признаков, изменчивость которых вклад факторов окружающей среды имеет разное значение, от нулевого до определяющего. Более того, диапазон варьирования этого вклада также имеет генетически обусловленную природу. Проявление любого признака может соответствовать моногенному типу либо характеризоваться доминирующим вкладом в его изменчивость факторов окружающей среды.

И все-таки, разгром генетики очень близкий факт истории, и важно было бы обсудить основные моменты этого явления именно для того, чтобы научиться опознавать и прогнозировать формирование таких исторических заказов и их талантливых исполнителей.

Очевидно, что объем журнальной статьи позволяет только пунктирно наметить те события, которые окружали гибель отечественной генетики.

Для начала следует отметить, что это была далеко не первая попытка отменить то, что называлось классической генетикой. Уже были известны работы Менделя, предположившие и доказавшие наличие дискретных элементарных единиц наследственного материала (гены в дальнейшем), материальная природа генов, их способность к спонтанному и индуцированному мутагенезу, внутренняя сложность генов, их локализация в хромосомах и некоторые законы их изменчивости. Это все были факты, получившие строгие экспериментальные доказательства и признание во всем научном мире. Интересно отметить, что логика развития представлений о генах и их внутренней структуре в этот период была достаточно близка к тому, что происходило с формированием представлений об атомарной структуре материи, сложной внутренней организации атома.

Тем не менее, уже в довоенный период, еще в 1935-1936 гг. была развернута жестко контролируемая партийным руководством научная дискуссия по вопросам генетики. Ее кульминацией стала сессия ВАСХНИЛ в декабре 1936 г. [14], главной темой которой были «Спорные вопросы генетики и селекции». Сессии предшествовали и за ней последовали серии арестов ученых и администраторов науки. Сопротивление генетиков на этой сессии не было сломлено. Следующая волна различных мер по подавлению науки завершилась публичной дискуссией под эгидой редакции журнала «Под знаменем марксизма» осенью 1939 г. Теперь руководство партии и правительства перешло от научной дискуссии к идеологической, тем самым резко ограничив возможности оппонентов Т.Д. Лысенко. В 1940 г. Лысенко, среди прочих должностей, был назначен на

пост директора Института генетики АН СССР, заняв место арестованного Н.И. Вавилова. Тогда же были арестованы многие крупнейшие профессора-генетики. Оставшиеся поняли опасность и бессмысленность работы в области фундаментальной и прикладной генетики.

В чем же дело? Может быть, действительно логика исследований Т.Д. Лысенко была настолько очевидно более состоятельной для решения проблем структурно-функциональной организации материала наследственности, что на самом деле являлась убедительной альтернативой классической генетике?

Основные компоненты биологической системы Т.Д. Лысенко

К 1940 г. Лысенко были разработаны все основные компоненты, составляющие его биологическую систему. Его взгляды на биологическое развитие нашли свое отражение в достаточно неопределенной по своему содержанию доктрине. Она включала многое — такие факторы окружающей среды, как солнечный свет, температура и влажность воздуха, а также химические элементы, содержащиеся в почве или органических удобрениях, различного рода газы, присутствующие в атмосфере.

Наибольшее значение для формирования теории Лысенко имели его работы по изучению температурного эффекта на рост и развитие растений, проводимые им в конце 20-х начале 30-х годов. Лысенко пришел к выводу, что отношения между организмом и окружающей его средой могут быть разделены на фазы или стадии, в которых потребности организма значительно различаются. Именно поэтому его взгляды часто характеризуются как «теория фазового развития растений» [9].

Вообще-то говоря, стадийность раннего развития организмов, наличие критических периодов в развитии орга-

нов и тканей, возможность ими управлять, контролируя факторы окружающей среды, к этому времени уже хорошо была известна, в частности, благодаря классическим работам КА Тимирязева, Д.Н. Прянишникова по влиянию условий на рост растений.

Термин «яровизация» один из наиболее известных в СССР. В 1930-1936 гг. Лысенко публикует множество газетных статей и брошюр, уточняющих методы яровизации, применяемой тогда и к семенам хлопчатника, ржи, проса, сахарной свеклы, сои, картофеля, вики и различных других зерновых, клубневых и плодовых растений [9].

9 июля 1931 г. Комиссариат по сельскому хозяйству принимает решение об издании нового журнала — «Бюллетень яровизации», призванного популяризировать работы Лысенко и его одесской лаборатории по вопросам яровизации. Так у 34-летнего Лысенко появился свой журнал, ставший одним из основных источников силы Лысенко в последующие 35 лет. В 1935 г., после небольшого перерыва, он был возрожден под названием «Яровизация», а в 1946 г. получил новое название — «Агробиология» (Журнал «Агробиология» перестал существовать в 1966 г.). В первом выпуске журнала содержались указания крестьянам относительно способов осуществления яровизации — указания, в которых перечислялся весь необходимый для этого инвентарь, включая ведра, лопаты, бочки, линейки и т.д. В 1935 г. Лысенко объявил, что яровизацией только хлебных злаков в Советском Союзе было охвачено 40 тыс. колхозов и совхозов, чьи земли располагались на площади 2 млн 100 тыс. га [7].

То, что обработка семян (до или после их прорастания) позволяла при определенных условиях сократить вегетационный период и получить урожай озимых сортов зерновых летом, не было уникальным открытием. Эта технология была известна в США еще в 1854 г., а также являлась предме-

том исследований немецкого ученого Г. Гасснера, проводившихся незадолго до конца первой мировой войны, но приоритет почему-то связывался только с Лысенко, Термин «яровизация» имел у Лысенко неопределенный смысл: под ним понималось практически все, что делалось с семенами или клубнями растений перед их севом. Так называемая яровизация картофеля, предлагаемая Лысенко, включала в себя проращивание клубней перед посадкой — практику, которая известна каждому, выращивающему картофель.

В феврале 1935 г. Лысенко выступил на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников с речью, призывая крестьянские массы к мобилизации в кампанию по проведению яровизации. Речь точно соответствовала текущему моменту и политическим желаниям Сталина.

«Товарищи, — заявил он, — ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми «учеными» по поводу яровизации, в борьбе за ее создание, немало ударов пришлось выдержать в практике. Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы в яровизации?... На самом деле, товарищи, хотя яровизация, созданная советской действительностью, и смогла за довольно короткий период, за какие-то 4—5 лет, вырасти в целый раздел науки, смогла отбить все нападки классового врага, — а не мало их было,— но сделать надо еще много.... В колхозах были кулаки и подкулачники, которые не раз нашептывали крестьянам, да и не только они, а всяческий классовый враг шептал крестьянину: «Не мочи зерно. Ведь так семена погибнут». Было такое дело, были такие нашептывания, такие кулацкие, вредительские рассказы, когда вместо того, чтобы помогать кол-

хозникам, делали вредительское дело. И в ученом мире, и не в ученом мире классовый враг — всегда враг, ученый он или нет. Вот, товарищи, как мы выходили с этим делом. Колхозный строй вытянул это дело. На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами...». Очевидно, что трансформация спора вокруг «ярвизации» в борьбу пролетарской науки с мнимыми «классовыми врагами» представляла собой попытку запугивания и истребления научных противников и этот путь на много лет задержал выяснение истинного положения в разрабатываемой проблеме.

Зал разразился аплодисментами. Все остальное было встречено не менее восторженно, но кульминация речи содержалась в этих словах, хотя и в конечной части ее было кое-что интересное, например, предложение передать селекцию из рук ученых (с их опостылевшей генетикой) в руки простых колхозников: «Многие ученые говорили, что колхозники не втянуты в работу по генетике и селекции, потому что это очень сложное дело, для этого необходимо окончить институт. Но это не так. Вопросы селекции и генетики ставились теперь по-иному. Как хлеб, как вода для жаждущего, было необходимо вмешательство в работу селекции и генетики колхозников. Колхозная инициатива в этом деле необходима, без этого у нас будут только ученые специалисты-селекционеры, кустари-одиночки». И чтобы завершить эту тему, он добавляет: «Колхозники, а таких колхозников, к нашей гордости, у нас довольно много, дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора». Расчет оказался верным — Сталину его речь понравилась. В заключение Лысенко представил себя смиренным и скромным человеком: «Я уверен, что я чрезвычайно плохо изложил затро-

нутые мною вопросы по генетике и селекции. Я не оратор. Если Демьян Бедный сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, я только ярвизатор, и поэтому не сумел вам это дело просто объяснить». Этим он окончательно пленил Сталина, который вскочил с места и, аплодируя, закричал в зал: «Браво, товарищ Лысенко, браво!». Зал после этого разразился еще более бурными аплодисментами.

15 февраля 1935 г. «Правда», а затем и другие газеты напечатали подробное изложение этой речи, опубликовали портрет Лысенко и привели знаменательные слова Сталина. И в тексте, напечатанном в «Правде», и в большинстве последующих воспроизведений этой речи не приводились слова, сказанные Лысенко после реплики Сталина. А слова эти были также весьма существенными, так как Лысенко говорил, и вполне определено, о корнях, взрастивших его: «В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не рождаются, рождаются организмы, а люди у нас делаются — трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я — я не родился человеком, я сделан человек. И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке — больше, чем быть счастливым». Почти совсем по великому классику Андрею Платонову.

Лысенко умело сочетал в своих публичных выступлениях безграничную саморекламу с показной скромностью, тонко отождествлял себя с истинно советской наукой, а своих противников — с ее врагами. Он не ограничивался выпадами против своих противников вообще, а называл всех поименно. Так, в декабре 1935 г. во время «Совещания передовиков урожайности, трактористов и машинистов молотилок с руководителями у партии и правительства», он опять говорил о своих теоретических положе-

ниях, «против которых многие представители науки наиболее спорят». В зале присутствовал Сталин. На вопрос Я.А. Яковлева: «А кто именно, почему без фамилий». Лысенко опять очень точно ответил: «Фамилии я могу сказать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. Проф. Карпеченко, проф. Лепин, проф. Жебрак, в общем, большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе «Научные основы селекции», соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе».

Сталинское одобрение значило в тех условиях больше, чем мнение всей науки и всех академиков вместе взятых. Распространенное газетами по всей стране сообщение о личной похвале Сталина и его дальнейшая поддержка быстро отразились на статусе и положении Лысенко как ученого и общественного деятеля.

В декабре 1936 г. состоялось совещание, в центре которого находился вопрос о том, что Лысенко называл «двумя направлениями в генетике». Отредактированная стенограмма этого совещания является одним из самых интересных исторических источников для изучения истории Т.Д. Лысенко. Этот документ, имеющий название — «Спорные вопросы генетики и селекции...», представляет собой (несмотря на то обстоятельство, что он был отредактирован) образец пролысенковской пропаганды [14].

Одним из самых откровенных и прямых было выступление А.С. Серебровского, сказавшего о том, что, хотя он и согласен с необходимостью развивать научные исследования на новой, социалистической основе, все же он испытывает чувство ужаса при мысли о том, какие уродливые формы принимает подчас кампания за осуществление этой идеи. Под лозунгами «За под-

линную советскую генетику», «Против буржуазной генетики», «Против искажений Дарвина» и т.п., которые преподносятся как революционные, говорил Серебровский, ведется неистовая борьба против одного из величайших достижений XX века, мы сталкиваемся, по существу, с попытками отбросить нашу науку назад на пол столетия. Сходное описание возможной беды содержалось и в выступлении Н.П. Дубинина, ставшего спустя 30 лет одним из лидеров возрождения советской генетики. «Нет необходимости играть тут в прятки,— сказал он,— важно прямо и откровенно сказать сегодня, что если в теоретической генетике возьмут верх взгляды, которые, как говорит академик Т.Д. Лысенко, наилучшим образом представлены И.И. Презентом, то это будет означать, что современная генетика будет полностью уничтожена. (Голос из зала: Это — пессимизм!) Нет, это не пессимизм. Я хотел заострить этот вопрос только потому, что наша сегодняшняя дискуссия касается самых кардинальных проблем развития нашей науки» [3, 4].

В опубликованной в 1935 г. совместно с Презентом работе «Селекция и теория стадийного развития растений» Лысенко переходит от яровизации к вопросам общей теории наследственности. Он утверждает, что: «...при яровизации посевного материала или растений идет нарастание изменений. Эти изменения сохраняются в тех клетках, в которых они произошли, а также передаются всем вновь образующимся из них клеткам».

В наиболее полном виде теоретические воззрения Лысенко отражены в его работе «О наследственности и ее изменчивости», опубликованной в 1944 г. В ней Лысенко отрицал различие между фенотипом (совокупностью признаков) и генотипом (совокупностью факторов наследственности). В своей монографии «Агробиология» он писал: «В какой степени в новом поколении (допустим, растения) строится

сызна тело этого организма, в такой же степени, естественно, сызнава получают и все свойства, в том числе и наследственность, то есть в такой же степени в новом поколении сызнава получается и природа организма» [9]. Наследственность Лысенко определяет как «свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия» [9].

По мнению Лысенко, наследственные факторы являются ассимилированными внешними условиями. Он писал: «...мы отрицаем то, что генетики вместе с цитологами увидят под микроскопом ген... Наследственная основа не является каким-то особым от тела, саморазмножающимся веществом, наследственной основой является клетка». В одном из докладов Лысенко говорил: «Не прав также акад. Серебровский, утверждая, что Лысенко отрицает существование генов. Ни Лысенко, ни Презент никогда существования генов не отрицали. Мы отрицаем то понятие, которое вы вкладываете в слово «ген».

Классическая генетика представляла ген как дискретную единицу материала наследственности, Т.Д. Лысенко — как результат взаимодействия генетического материала с факторами окружающей среды, т.е. как признак. Совершенно понятна и естественна причина этих разногласий между исследователями самого материала наследственности и практиком, работающим с признаками, изменчивость которых в существенной степени зависит от факторов окружающей среды. Тем более в те времена, когда действительно нельзя было увидеть ген и его работу в микроскоп, в отличие от 70-х годов XX века, когда уже появились возможности прямо наблюдать процессы транскрипции и трансляции, а в 80-х — манипулировать с генами. Классические генетики исследовали материал наследственности в масшта-

бе микро- и нанометров, а Т.Д. Лысенко — даже не на клеточном уровне, а в макромасштабах многоклеточного организма.

Известно, что научные споры, даже самые неожиданные, эмоциональные и конфликтные, являются пружиной развития науки. Один из огромного ряда наглядных примеров — «прыгающие» гены, открытые Барбарой Мак Клинтон и высмеянные научной общественностью так, что она на 10 лет прекратила свои научные публикации и выступления. Которые закончились присуждением ей Нобелевской премии и открытием огромного многообразия транспозирующихся элементов.

20-е годы XX века в генетике можно назвать «годами дрозофилы», которые только потом превратились в «годы гибридной кукурузы». Такая прямая связь между этими направлениями естественна и она обнаружилась. «Дни гибридной кукурузы» наступили в 40-х годах, когда сразу принесли и оправдали практические результаты генетических исследований с дрозофилой [19-22]. Первые коммерческие сорта гибридной кукурузы появились в США после 1933 г., в 40-х годах эти сорта получили распространение; а к 1949 г. 77,6% всех посевных площадей в США было засеяно этими сортами (доходы, полученные от этого, перекрыли расходы на создание атомной бомбы).

Первой из известных атак на Вавилова и возглавляемый им Всесоюзный институт растениеводства ВАСХНИЛ была публикация в 1931 г. статьи А. Коля «Прикладная ботаника или ленинское обновление земли» [16], где деятельность института характеризовалась как «чуждая» и «враждебная». Автор статьи критиковал институт за увлечение исследованиями в области морфологии и классификации растений в ущерб исследованиям их экономического значения. Пытаясь ответить на выдвигаемые обвинения, Вавилов

указывал на многие сорта растений (картофеля, ржи и пшеницы), открытые сотрудниками института во всем мире и способные со временем внести вклад в развитие советской экономики [16]. Последняя атака на Н.И. Вавилова была проведена Лысенко публикацией статьи «По поводу статьи академика Н.И. Вавилова «Как строить курс генетики, селекции и семеноводства» в газете «Социалистическое земледелие» (1 февраля, 1939), в журнале «Яровизация» [8] и «Под знаменем марксизма». После ареста Н.И. Вавилова и его смерти многие генетики стали понимать, как опасно заниматься этой областью науки и ушли в другие направления биологии, где не было прессинга и диктата Лысенко.

Послевоенный период

После окончания Отечественной войны начинали формироваться невоенные методы управления страной. 4 сентября 1945 г. был упразднен высший орган государственного управления с чрезвычайными полномочиями — Государственный комитет обороны. В 1946-1948 гг. прошли перевыборы советов всех уровней, обновлен депутатский корпус, сформированный еще в 1937-1939 гг. Первая сессия ВС СССР нового, второго созыва состоялась в марте 1946 г. Она утвердила 4-й пятилетний план, приняла закон о преобразовании Совета народных комиссаров в Совет Министров СССР.

В то же время в отличие от НЭП 1920-х годов, восстановление народного хозяйства было начато не с сельского хозяйства, а с тяжелой промышленности. Расходы на оборону не сократились. Усилено внеэкономическое принуждение крестьян. Вознаграждение за труд — символическое. У колхозников не было пенсий, не было паспортов. Они не могли покинуть колхоз без разрешения власти. Люди жили в основном за счет личного подсобного хозяйства. Городские жители отдавали свои зарплаты на займы и обли-

гации и также были вынуждены разбивать огороды и садовые участки на общественных землях. В 1946 г. (сильнейшая засуха), огороды — единственное средство выжить для большинства жителей СССР. Государство видело в этом покушение на свою собственность. В голодном 1946 г. развернули поход против личных подсобных хозяйств под знаком борьбы против разбазаривания общественной земли и колхозного имущества. Они были не только урезаны, но и обложены непомерными налогами. Каждый крестьянский двор платил налог за землю, а также был обязан поставлять государству определенное количество мяса, молока, яиц, шерсти и других продуктов. Абсурд — введен налог и на каждое фруктовое дерево, независимо от того, давало оно урожай или нет. Колхозники — люди «второго сорта». В государстве — курс на концентрацию сельскохозяйственного производства. Это рычаг подъема сельского хозяйства и укрепления колхозов. Но сельское хозяйство плохо поддавалось переходу на промышленные основы. Диспропорции в развитии росли. Как и в 1930-е годы, из деревни изымались огромные средства. Деревня — «дойная корова» города.

В то же время послевоенное десятилетие характеризовалось курсом роста престижа научной и научно-преподавательской работы, в нищей, разрушенной войной стране. В эти годы соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 к 1, а профессора, доктора наук — 7 к 1. Такого уровня оплаты труда отечественные ученые и вузовские преподаватели больше в стране не имели никогда. В результате была создана научная инфраструктура, на то время не уступавшая американской. Сеть фундаментальных и прикладных научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и вузовских лабораторий охватила весь фронт исследований. Эта система позволила

СССР выйти в научные лидеры мира. Особенно в тех областях, какие были под контролем оборонной промышленности, в первую очередь, связанные с созданием атомного оружия. На это были направлены огромные материальные средства в ущерб производству предметов потребления, социально-культурной сфере, сельскому хозяйству. Далось это дорогой ценой. Началась холодная война. Вместо международного сотрудничества возникла конфронтация. Летом 1946 г. власти начали наступление против любого проявления интеллекта, где обнаруживались «заграничное влияние», «западное упадничество», «искусство для искусства» и т.д. Идеологическое руководство этой кампанией Сталин поручил Андрею Александровичу Жданову.

Борьба кланов

Усиливается политическая борьба в стране, борьба между и внутри кланов, за место рядом со Сталиным. Например, известный конфликт между Г.М. Маленковым и А.А. Ждановым с Вознесенским конца 1945 г., в результате которого возникло «ленинградское дело». Вопрос был, вроде бы, сугубо частный: политика вывоза немецкой промышленности. Жданов обвинял Маленкова в разбазаривании средств. Сталин поддержал группу Жданова, снял Маленкова с поста, одновременно выведя его из Секретариата ЦК (1946). Через два года все Сталин вернул обратно. Только Жданова, выполнившего все пожелания вождя, в результате не стало.

В руководстве ЦК ВКП(б) произошли перемены. Г.М. Маленкова, бывшего вторым секретарем ЦК партии, назначили на должность заместителя председателя Совмина СССР, менее влиятельный пост. Его союзника Л.П. Берия удалили с поста министра внутренних дел и отобрали у него контроль над КГБ.

В условиях длительной болезни И.В. Сталина, перенесшего инсульт и

жившего на даче близ Мацесты, власть в Москве сосредоточилась в руках А.А. Жданова, ставшего вторым секретарем и опиравшегося на интеллектуальную ленинградскую группу. В качестве одного из ближайших соратников А.А. Жданова на идеологическом фронте стал выступать Д.Т. Шепилов. Он получил хорошее образование, окончил юридический факультет МГУ и затем Аграрный институт красной профессуры. Это давало ему хороший старт для последующей карьеры. Он, в частности, какое-то время преподавал политэкономии в Тимирязевской академии. В течение всей войны он пробыл в политорганах Красной Армии, а после войны стал работать в газете «Правда» и в Политуправлении Вооруженных сил СССР.

Д.Т. Шепилов взял в свои руки основную работу по подготовке документов и кадровым решениям в области идеологии. В течение двух лет А.А. Жданов и его помощники Д.Т. Шепилов и М.А. Сулов, назначенный в июне 1947 г. руководителем Агитпропа (вместо близкого к Маленкову Г.Ф. Александрова), пользовались доверием Сталина. Группа Жданова — Вознесенского объединяла «жестких» идеологов типа Жданова, и экономистов-реформаторов, близких Вознесенскому, местную элиту и руководителей, желавших восстановить хотя бы некую форму законности.

Идеологические постановления по вопросам культуры были направлены на повышение идейности произведений литературы, кино и музыки. Под идейностью в них понималось осуждение западной культуры и прославление существующего политического строя, утверждение советского образа жизни, патриотизма и единомыслия. 14 августа 1946 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»». В этом постановлении, как и в докладе секретаря ЦК А.А. Жданова, произнесенном на собрании членов Союза пи-

сателей, редакции ряда ленинградских журналов обвинялись в безыдейности. Жданов критиковал творчество поэтессы Анны Андреевны Ахматовой и писателя-сатирика Михаила Михайловича Зощенко. На Оргбюро ЦК, где обсуждался этот вопрос, И.В. Сталин заявил, что журнал в СССР «не частное предприятие», он не имеет права приспосабливаться к вкусам людей, «которые не хотят признавать наш строй». «Кто не хочет перестраиваться, например Зощенко, — конкретизировал Сталин, — пускай убирается ко всем чертям».

Ленинград вызывал особое негативное внимание у Сталина по многим причинам, и он послал туда А.А. Жданова (не смотря на то, что тот был секретарем обкома), с разъяснением постановления. Зощенко и Ахматова были исключены из Союза писателей, а журналы, публиковавшие их произведения, были наказаны: редакция журнала «Звезда» получила выговор, а журнал «Ленинград» был закрыт.

После разгрома ленинградских писателей, взялись за театры, кино, музыку. 26 августа 1946 г., вышло новое Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров», где критиковалось переполнение репертуара «низкопробной и пошлой зарубежной драматургией», за «уродливо-карикатурное, — как говорилось в Постановлении, — изображение советских людей». Еще через одну неделю, 4 сентября 1946 г., издали Постановление ЦК, где ошельмовывались ведущие и авторитетнейшие кинорежиссеры страны Сергей Михайлович Эйзенштейн и Леонид Давидович Луков. 24 июня 1947 г. Жданов провел совещание философов, на котором добился осуждения «Истории западной философии» Григория Федоровича Александрова, руководившего до этого Агитпропом и ставшего в 1946 г. лауреатом Сталинской премии. В этом же 1947 г. обрушились на философов и физиков за уход от воззрений XIX ве-

ка. Начались атаки против сердцевинны теоретической физики XX века — квантовой теории и теории относительности. Реакционной лженаукой назвали кибернетику. Несколько месяцев спустя взялись за музыку — сферу, какой до этого не касались. Предлогом послужило исполнение в декабре 1947 г. трех произведений, заказанных к тридцатилетию Октябрьской революции: «Шестой симфонии» Сергея Сергеевича Прокофьева, «Поэмы» Арама Ильича Хачатуряна и оперы Ваню Ильича Мурадели «Великая дружба» (1947).

К лету 1947 г. в стране прошла философская дискуссия, разослали закрытое письмо ЦК по делу Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина (опубликовавших в зарубежной печати свои данные об антиопухолевой активности препаратов, приготовленных из клеток трипаносом), развернули травлю «космополитов», начали действовать «суды чести».

10 февраля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О декадентских тенденциях в советской музыке», осуждавшее оперу Мурадели. Не менее острой критике подверглись композиторы, «придерживающиеся формалистического, антинародного направлений» (были названы Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Мясковский). Следствием постановлений стала чистка и Союза композиторов. «Антиформалистская» кампания велась в течение всего 1948 г. с большой решимостью: почти всех известных деятелей искусства осудили, исключили из творческих ассоциаций и вынуждены прекратить свою деятельность. Но большинство критикуемых не были арестованы или отправлены в лагерь.

А.А. Жданов выполнил заказы Сталина. К лету 1948 г. он стал не нужен. По воле Сталина, снова восстановлен в качестве секретаря ЦК Г.М. Маленков. На А.А. Жданова это подействовало крайне угнетающе. С 10 июля он был направлен в длительный отпуск.

Снова обострилась болезнь сердца, но его не положили в Кремлевскую больницу, а отправили в санаторий на Валдае, что в Новгородской области, сыром и неподходящем месте для сердечников, далеко отстоящем от крупных лечебных центров. После августовской сессии ВАСХНИЛ у него произошел обширный инфаркт. Сейчас эта кардиограмма уже не является секретной, наличие обширного инфаркта было совершенно очевидно. Однако лечащие врачи этого не признали, прописав вместо строгого постельного режима прогулки, что привело к последующему инфаркту и смерти Жданова. Так что сессия ВАСХНИЛ и смерть Жданова-старшего оказались тесно связаны. Тогда этому диагнозу и предписаниям врачей никто не придал значения, но потом это стало исходной точкой развертывания «дела врачей».

Борьба кланов и биология.

Ученые пишут письма

Г.М. Маленкову и А.А. Жданову.

Т.Д. Лысенко пишет И.В. Сталину

Трагические для нашей науки события, в т.ч. и в генетике, были прерваны войной. Теоретические споры на время забылись. Но Т.Д. Лысенко возобновил их сразу после войны публикацией статьи об отсутствии в природе так называемой внутривидовой конкуренции. Лысенко начал наступление на основы дарвинизма. В этих условиях, в уже существующий на протяжении многих лет конфликт между отечественной классической (буржуазной) генетикой и Т.Д. Лысенко и его сторонниками (мичуринской генетикой), после гибели многих генетиков, в т.ч. и Н.И. Вавилова, Т.Д. Лысенко удалось привлечь на свою сторону центральную печать. Вопрос о публикации статьи А. Суркова, А. Твардовского и Г. Фиша в «Литературной газете» и статьи И.Д. Лаптева в «Правде» и «Социалистическом земледелии», в каких они обрушивались на А.Р. Жеб-

рака и Н.П. Дубинина (спас брат НИ. Вавилова — С.И. Вавилов), обвиняя их в антипатриотизме, низкопоклонстве перед Западом, широко освещен в литературе.

Большинство историков генетики отмечают, что прямым следствием этих статей являлась организация «суда чести» над А.Р. Жебрак, состоявшегося 21-22 ноября 1947 г. Сразу после войны, когда дружба с союзниками казалась прочной, Жебрак опубликовал в 1945 г. в журнале Science (по просьбе партруководителей) статью об успехах советской генетики. В этой статье он лишь кратко упомянул, что вот есть еще и направление, возглавляемое Лысенко, отрицающее современные научные концепции. Так получилось, что в это время организатором и лидером выступлений против лысенковщины стал А.Р. Жебрак — генетик и селекционер растений, ученик Т.Х. Моргана, у которого в 30-е годы он стажировался в Калифорнийском технологическом институте, а затем возглавил кафедру генетики Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева (ТСХА).

В конце 1944 — начале 1945 г.

А.Р. Жебрак написал большое письмо Г.М. Маленкову, где для поднятия международного престижа советской науки, пытаясь убедить секретаря ЦК в необходимости нормализовать обстановку в генетике, восстановить генетико-цитологические исследования в ВАСХНИЛ, изменить руководство Института генетики АН СССР, возглавляемого Т.Д. Лысенко, командировать советских генетиков в США и Англию для обмена опытом и ознакомления с успехами генетики в области теоретических проблем и ее приложений к сельскому хозяйству. Не дождавись ответа на это послание, А.Р. Жебрак в начале февраля 1945 г. вновь обращается к Г.М. Маленкову с письмом и просит принять его лично для ознакомления с положением генетической науки. «Моя просьба о личной бе-

седе с Вами вызывается еще и тем, что никто из ответственных руководителей нашей партии не высказывался по вопросам генетической науки, а в то же самое время акад. Лысенко, акад. Келлер и др. позволяют в публичных выступлениях делать политические выводы, дезориентирующие мало осведомленных в этой науке слушателей». Это письмо дошло до адресата, поручившего Г.Ф. Александрову — начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в состав которого входил и Отдел науки: «Прошу ознакомиться с этими записками и переговорить со мной. Г. Маленков. 11. II».

16 апреля 1945 г. А.Р. Жебрак был на приеме у В.М. Молотова и информировал его о положении генетики и ее большом значении для развития культуры и производительных сил нашей страны. О перемене отношения к генетическим исследованиям в СССР в верхнем эшелоне власти свидетельствует то, что А.Р. Жебрак в сентябре 1945 г. был привлечен к работе в аппарате ЦК партии, сохраняя руководство кафедрой в ТСХА. В должности заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) он проработал до апреля 1946 г., после чего вновь вернулся к преподавательской деятельности. Сохранились его письма к Г.М. Маленкову и В.М. Молотову, где давался обзор состояния и перспектив генетики в мире и в нашей стране, ставился вопрос о создании советского генетического журнала и организации в Академии наук СССР Института генетики и цитологии наряду с существовавшим во главе с Т.Д. Лысенко Институтом генетики. Автор писем настаивал на введении двух вакансий в состав АН СССР по специальности генетика и цитология культурных растений для усиления среди академиков противовеса Т.Д. Лысенко. Вскоре были выделены два места членов-корреспондентов, на одно из которых был избран Н.П. Дубинин, а на другое — А.А. Аванян.

Ситуация в науке стала меняться не в пользу лысенковцев.

В.М. Завадовский подготовил две большие статьи, посвященные критике взглядов Т.Д. Лысенко на проблемы наследственности и эволюции: «О наследственности и ее изменчивости и других ошибках Т.Д. Лысенко» и «Дарвинизм и внутривидовая конкуренция». Но все попытки Завадовского добиться их опубликования были безрезультатными, и тогда он тоже обратился за содействием к А.А. Жданову [6].

В справке, подготовленной для А.А. Жданова заместителем начальника Управления агитации и пропаганды, исполнявшим и обязанности заведующего Отделом науки ЦК С.Г. Суворовым 15 апреля 1947 г., отмечалось: «Б.М. Завадовский подчеркивает, что редакции журналов не указывали ему на какие-либо ошибки или недостатки представленных им статей и не отвергали их по существу. Более того, они встречали сочувствие руководящих работников редакций. Препятствием к их опубликованию служили неприципиальные соображения, боязнь критиковать т. Лысенко, занимающего высокое положение в государстве...»

В ЦК ВКП(б) неоднократно поступали от ученых жалобы на то, что их статьи, критикующие отдельные научные взгляды Т.Д. Лысенко, не печатаются журналами и газетами по тем же соображениям, которые отмечает и Б. Завадовский (письмо действительного члена Академии сельскохозяйственных наук СССР проф. П.М. Жуковского, заявление академика Цицина и др.).

Многие биологи заявляют, что они фактически лишены возможности обсуждать важные вопросы биологии и защищать теоретические позиции в науке, против которых выступает в печати Лысенко, что создалась монополия одного направления в биологии.

Ученые отмечают, что в силу этого создается видимость официального одобрения теоретических взглядов т. Лысенко в области биологии. Счи-

таю необходимым информировать Вас об этих настроениях ученых. Полагаю, что обсуждение спорных биологических вопросов в специальной печати было бы полезно для развития науки. Прошу Ваших указаний».

В то же время темп развития исследований сопровождался внушительными теоретическими и практическими достижениями. Особенно выделялась на общем уровне развития науки, в т.ч. генетики, США. Концепция наследственности Т.Д. Лысенко не претерпела за этот период существенных изменений. Основная масса советских биологов стала понимать, что монополизм и засилье в советской науке лишь одного направления, представленного к тому же группой ученых, склонных к догматизму, тормозят движение вперед, мешают преодолению общего отставания. Разочарованию ученых в теоретических концепциях Т.Д. Лысенко способствовал и очевидный провал его широко разрекламированных практических мероприятий — посевов озимых по стерне в Сибири, принесших сибирскому земледелию существенный ущерб и подвергнутых резкой критике в открытой дискуссии, «яровизации» яровых на юге СССР, «внутрисортового скрещивания» и летних поздних посевов сахарной свеклы в Средней Азии. Новый выведенный сверхскоростными способами сорт яровой пшеницы для юга Украины, о котором Т.Д. Лысенко преждевременно рапортовал когда-то на всю страну, также оказался негодным.

Намечавшиеся изменения ситуации в науке не могли не встревожить Т.Д. Лысенко и его могущественных покровителей. Министр земледелия И.А. Бенедиктов, министр зерновых и животноводческих совхозов П.П. Лобанов, министр животноводства А.И. Козлов обратились в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором обрушились на участников и организаторов 2-й генетической конференции в МГУ 21-26 марта 1947 г.

С.Г. Суворов в связи с этим обращением подготовил 15 апреля 1947 г. обстоятельную докладную записку на имя А.А. Жданова. Он писал:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А.

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов просят поручить группе работников при участии академика Лысенко рассмотреть материалы 2-й генетической конференции, проведенной в Московском государственном университете 21-26 марта с. г., и дать этой конференции соответствующую оценку.

В связи с этим письмом выяснено следующее...

Генетическая конференция является одной из многих научных конференций, проводимых на факультетах Московского университета. Она была организована кафедрой генетики, которой заведует член-корреспондент Академии наук СССР профессор А.С. Серебровский... В работе конференции приняли участие крупные советские ученые-генетики: акад. Цицин, действ. член АН БССР Жебрак, член-корр. АН СССР Дубинин, проф. Навашин, проф. Глембоцкий и многие другие...

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов обвинили конференцию в отрыве от практических задач на том основании, что ряд докладов был посвящен использованию наследственности плодовой мушки дрозофилы. Однако не эти доклады определили характер конференции. Кроме того, выбор дрозофилы в качестве объекта исследования вполне закономерен, он определяется тем, что дрозофила через каждые десять дней дает новое поколение, что облегчает возможность прослеживания изменения наследственности в ряде поколений; содержание ее дешево, методика работы с ней проста и хорошо изучена. Дрозофила для генетики является таким же удобным объектом экспериментального изучения, каким для физиологов является мышь, лягушка или морская свинка. Практические доклады конференции

были посвящены вопросам селекции, пороодообразования, выяснению роли среды и экологических факторов в повышении продуктивности животноводства и урожайности растений. Многие докладчики дали ценные практические предложения. Все изложенное позволило считать генетическую конференцию, проведенную в Московском университете, весьма полезной, а попытку тт. Бенедиктова, Лобанова и Козлова опорочить ее — несправедливой, основанной на односторонней информации».

Вопрос «О положении в ВАСХНИЛ» выносится 16 апреля 1947 г. на заседание Организационного бюро ЦК ВКП(б). Подготовлен специальный доклад, адресованный секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, А.А. Кузнецову и Г.М. Попову, в котором говорилось: «Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина значительно отстает в своей работе от требований и запросов, предъявляемых к ней сельским хозяйством... Академия замкнулась в узком кругу агробиологических проблем, связанных с исследованием ее президента академика Т.Д. Лысенко, в связи с чем перестали быть, как это следует по Уставу, «высшим научным учреждением по сельскому хозяйству в Союзе ССР». Ограниченный круг научных проблем, разрабатываемых в академии сельскохозяйственных наук, а также разногласия среди ее действительных членов, привели к тому, что большинство из них фактически прекратило работу в академии (академики: Брицке, Прянишников, Скрябин, Завадовский, Серебровский, Соколовский, Лисицын и др.). Многие институты академии возглавляются малоизвестными в науке работниками, не имеющими ученой степени и звания... Попытки некоторых руководителей секций заменить непригодных ученых секретарей более квалифицированными и знающими дело специалистами сельского хозяйства не встречают поддержки со стороны президента академии академика Т.Д. Лы-

сенко. Считаем, что создавшаяся в Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина обстановка не способствует решению важнейших вопросов подъема сельскохозяйственной науки.

Полагаем, что, какова бы ни была оценка споров и разногласий в области агробиологии, нельзя все же ставить в зависимость от этих споров судьбу всей сельскохозяйственной науки в стране и держать Академию сельскохозяйственных наук в состоянии прозябания...».

АА Жданов не поддерживал Т.Д. Лысенко в тот период. Тем не менее, заседание Оргбюро не состоялось. Остается не ясным, было это связано с клановой борьбой между А.А. Ждановым и его противниками, либо с тем, что и Сталин на самом деле считал проекты Т.Д. Лысенко наиболее важными для сельского хозяйства.

В такой обстановке в эти годы работала наука и сопутствующие ей учреждения, такие, например, как Высшая Аттестационная Комиссия при Министерстве Высшего образования СССР (ВАК СССР). Она определяла квалификационную оценку научных кадров, т.е. — по сути — поддерживала или, наоборот, блокировала развития тех или иных научных направлений. В те годы ее возглавлял министр С.В. Кафтанов. В состав ВАК входили выдающиеся ученые, но там были и такие, как Т.Д. Лысенко. Вся деятельность ВАК направлялась и контролировалась партийными властями и непосредственно Отделом науки и высшей школы ЦК ВКП(б).

Наиболее громким делом против диссертационных работ генетиков того периода было дело В.П. Эфроимсона. Он 4 апреля 1947 г. защитил на Совете Харьковского университета докторскую диссертацию на тему: «Проблемы генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда». Официальные оппоненты профессора Б.Л. Аетауров, Л.Н. Делоне, И.М. Поляков и С.С. Четвериков считали, что диссертация Эфроимсона является ценным научным

исследованиям, основанным как на собственных опытах, так и на анализе мировой литературы. 11 ноября 1947 г. Экспертная комиссия по биологии под председательством проф. П.М. Жуковского постановила: В.П. Эфроимсон — выдающийся специалист в области генетики. Однако в ВАК поступило письмо Т.Д. Лысенко с решительными возражениями против диссертации Эфроимсона. Срочно, 13 декабря 1947 г., собралась экспертная комиссия и постановила отложить рассмотрение дела Эфроимсона, направив его диссертацию на отзыв проф. Е.Ф. Лискуну. Тот дал положительный отзыв и рекомендовал направить диссертацию на переработку в своей теоретической и методологической части.

7 февраля 1948 г. диссертация Эфроимсона была рассмотрена на Пленуме ВАК и по предложению Президиума ВАК дело Эфроимсона было исключено из протокола заседания ВАК ввиду того, что в Министерство высшего образования поступили материалы, порочащие Эфроимсона как преподавателя высшего учебного заведения. Эфроимсон перевел и распространил среди работников кафедры и студентов статью невозвращенца белоэмигранта, реакционного биолога-морганиста Добжанского, где последний клеветал на советское государство и на мичуринское направление в биологии. Президиум ВАК 21 сентября 1948 г. рассмотрел поступивший материал и, вернувшись к оценке диссертации Эфроимсона, счел, что он не заслуживает присуждения ему ученой степени доктора биологических наук.

**События, непосредственно
предшествующие
сессии ВАСХНИЛ 1948 г.
Лысенко пишет И.В. Сталину**

К концу 1947 г. политические позиции Лысенко были слабее, нежели до войны. Сын А.А. Жданова, Ю.А. Жданов, возглавлявший отдел науки ЦК, неоднократно выступал против Лысенко. Ю.А. Жданов после окончания Мос-

ковского университета защитил там же кандидатскую диссертацию под руководством академика А.Г. Несмеянова. Жданов-младший хотел и дальше заниматься наукой, но И.В. Сталин заявил ему, что сейчас одна из самых важных задач — резкое усиление фундаментальных исследований в ведущих научно-исследовательских институтах. Ю.А. Жданов, совсем молодой человек, был назначен заведующим отделом науки ЦК ВКП(б).

В 1947 г. А.Г. Несмеянов был назначен ректором МГУ и вошел в личный контакт с И.В. Сталиным. Будучи серьезным ученым, он опирался на широкие круги академической науки и придерживался четких антилысенковских позиций.

Таким образом, сложилась весьма уникальная и влиятельная связка Д.Т. Шепилов, Ю.А. Жданов и А.Г. Несмеянов, достаточно хорошо представлявшая специфику работ Т.Д. Лысенко. Но проблема была в том, что все эти события происходили пока без главного действующего лица — И.В. Сталина. После относительного выздоровления и возвращения в Москву, он решил существенно уменьшить влияние А.А. Жданова; его раздражала также взятая им по его поручению на себя роль главного идеолога.

10 апреля 1948 г. 27-летний Ю.А. Жданов выступил в Политехническом музее, где проходил семинар пропагандистов обкомов партии, с докладом «Некоторые вопросы современного дарвинизма», в котором прозвучала критика Т.Д. Лысенко, его теорий в области генетики и его общебиологических взглядов [5]. Слушатели восприняли это выступление как официальную партийную установку. Т.Д. Лысенко обратился к И.В. Сталину с жалобой на этот доклад. И.В. Сталин решил использовать этот факт для самых серьезных выводов.

31 мая 1948 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где И.В. Сталин, не скрывая своего возмущения, заявил, что Жданов-младший поста-

вил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко, забыв, что тот сегодня является «Мичуриным в агротехнике». Затем последовал вопрос — кто разрешил Ю. Жданову выступить с таким докладом? Естественно, что никто не взял на себя ответственность, зная, что может последовать за гневом вождя. Подводя итоги, Сталин, произнес, что надо непременно наказывать виновных. При этом сказав, что наказывать нужно не молодого и неопытного Ю. Жданова, а «отцов», прямо указав на А.А. Жданова.

Юрию Жданову пришлось покаяться в специальном письме к Сталину, датированном 7 июля 1948 г. Юрий Жданов писал в этом письме, в частности, следующее: «С первого же дня моей работы в отделе науки ко мне стали являться представители формальной генетики с жалобами на то, что полученные ими новые сорта полезных растений (гречиха, кок-сагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников академика Т.Д. Лысенко... Ошибка моя состояла в том, что, решив взять под защиту эти практические результаты, которые явились «дарами данайцев», я не подверг беспощадной критике коренные методологические пороки менделевско-моргановской генетики. Сознаю, что это деляческий подход к практике, погоня за копеечкой...».

Сталин придержал это письмо и приказал опубликовать его только после окончания сессии ВАСХНИЛ. Оно опубликовано в «Правде» в последний день сессии ВАСХНИЛ, 7 августа 1948 г. А 31 августа 1948 г. после окончания сессии ВАСХНИЛ «скоропостижно» скончался А.А. Жданов.

За кулисами общественной жизни ...

Благодаря Юрию Николаевичу Вавилову, в конце 1995 г. были рассекречены некоторые материалы, почти полвека имевшие статус «строго сек-

ретно». Они включают письмо Лысенко от 27 октября 1947 г., ответ Сталина от 31 октября и его записку от 25 ноября того же года, сопровождающую рассылку письма Лысенко членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК, министру сельского хозяйства, а также директору Ботанического сада АН СССР академику Н.В. Цицину.

Письмо Лысенко содержало три части и важное заключение. Главный раздел: «Отчет и план работы с ветвистой пшеницей» начинался словами: «Полученные мною от Вас семена ветвистой пшеницы, называемой теперь „кахетинская“».

Роль ветвистой пшеницы в карьере Лысенко в конце 40-х годов подробно описана в капитальном труде В.Н. Соифера [13]. Еще в XIX веке селяне знали, что в ней «от колоса до колоса не слышно голоса». Соратники Вавилова доказали беспочвенность надежд на увеличение ее урожайности [15]. Второй раздел «О сырьевой базе натурального каучука» также имел важное практическое значение. Тогда синтетический каучук еще не был широко внедрен в производство авиационных и автомобильных шин, и эта проблема решалась вавиловским Институтом растениеводства [2].

Третий раздел «О стерневых посевах озимой пшеницы в Сибири» пропагандировал давно известный (и за бесполезностью оставленный) агроприем, рекомендованный Лысенко для широкого внедрения в колхозах и совхозах Сибири во время его эвакуации в Омск в период Отечественной войны.

Отчитавшись таким образом за поручение Сталина, Лысенко использовал возможность выторговать кое-что для себя. Он утверждал, что «менделизм-морганизм, вейсманистский неодарвинизм... разрабатывается в западных капиталистических странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т.п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет».

Наконец, он настаивал на административных мерах, и Сталин отчеркнул этот фрагмент: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозносовхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела уже необходимость нашим руководящим органам образования и сельского хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов. Метафизическое учение о живых телах — морганизм-менделизм, вейсманистский неодарвинизм преподается во всех вузах, мичуринское же учение — советский дарвинизм почти нигде не преподается. Прошу Вас, товарищ СТАЛИН, помочь этому хорошему; нужному для нашего сельского хозяйства делу».

Получив письмо, Сталин пишет ответ:

«Уважаемый Трофим Денисович! Вашу записку от 27.X.1947 г. получил. Большое Вам спасибо за записку». Он разъясняет: хорошо, что тот занялся, наконец, ветвистой пшеницей, и плохо, что опыты проводятся в местах, не подходящих пшенице, что удачна мысль о гибридизации сортов пшеницы. Поддержкой правительства можно располагать. Планируется новая встреча (предыдущая была в конце 1946 г.). Письмо завершается следующим:

«Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину».

С уважением. И. Сталин. 31.X.47 г.»

Обмен письмами между Лысенко и Сталиным происходил за кулисами общественной жизни. Среди адресатов письма Лысенко, в частности, был ди-

ректор Ботанического сада Академии наук Н.В. Цицин. Познакомившись с письмом Лысенко и не подозревая о содержании и самом факте ответа на него, Цицин направил Сталину и секретарю ЦК А.А. Жданову свое письмо, где подверг резкой критике теоретические взгляды и практические предложения Лысенко и предложил организовать дискуссию для их всестороннего критического обсуждения. Сталин позже воспользовался предложением Цицина, истолковав его в желательном для себя смысле. Когда же Цицин получил сообщение о назначенной на август 1948 г. сессии ВАСХНИЛ для обсуждения доклада Лысенко «О положении в биологической науке», которое не оставляло сомнений в ее исходе, у Цицина случился инфаркт. Таким образом, содержание и характер публикуемых здесь материалов позволяют нам лучше понять причины и этапы планирования августовской сессии ВАСХНИЛ, наложившей запрет на полноценную биологию и селекцию, а также проливают свет на механизмы подготовки решений Политбюро и ЦК в конце 40-х годов.

«№ П44 25 ноября 1947 года

Членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б):

т.т. Андрееву, Берия, Вознесенскому, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву, Булганину, Косыгину, Швернику.

Секретарям ЦК ВКП(б): т.т. Кузнецову, Попову, Суслову, т.т. Бенедиктову, Скворцову, Цицину.

Ввиду принципиальной важности и актуальности затронутых в нем вопросов рассылается членам и кандидатам в члены Политбюро настоящая записка академика Лысенко от 27.X.47 г. для ознакомления. В свое время поставленные в записке вопросы будут обсуждаться в Политбюро. И. Сталин»

Несмотря на усиливавшееся административное и морально-политическое давление на ученых, в конце 1947 г.

начале 1948 г. дискуссии по проблемам генетики и дарвинизма обострились. На этих собраниях ученых вновь отмечалась ошибочность теоретических положений Т.Д. Лысенко и предложенных им агроприемов, наносивших ущерб сельскому хозяйству. Среди этих обращений были и письма академика И.И. Шмальгаузена — лидера отечественной биологии того периода. Именно его активность в начале 1948 г. представляла особую опасность для Лысенко. Ю.А. Жданов не только внимательно следил за развитием событий в различных отраслях науки, пытаясь снимать наиболее острые вопросы, грозящие перерасти в конфликт, но и делал первые попытки активно повлиять на дальнейшее развитие науки. 28 февраля 1948 г. он направил И.В. Сталину (копии — А.А. Жданову и Г.М. Маленкову) докладную записку «О тетраплоидном кок-сагызе», в которой прямо ставился вопрос о вреде, наносимом сельскому хозяйству Т.Д. Лысенко. Тетраплоидный сорт кок-сагыза был получен проф. М.С. Навашиным еще в 1939 г., и его исследования показали практическую перспективность повышения выхода натурального каучука.

«Трудности внедрения тетраплоидного кок-сагыза, — писал Ю.А. Жданов, — проистекают в первую очередь из неправильной установки, которую прямо и косвенно дает акад. Т.Д. Лысенко. Утверждая, что тетраплоиды — «уроды»... он с самого начала вместо объективного изучения новой формы, от которой были основания ожидать полезного эффекта, создал вредную обстановку враждебности и недоверия.

Вся история тетраплоидного кок-сагыза является ярким примером того, как полезное дело, почти на свой страх и риск поддерживаемое на низах практиками, всячески тормозится «руководством», находящимся под влиянием неверных установок Т.Д. Лысенко».

Ю.А. Жданов предлагал «обратить самое серьезное внимание на работы проф. М.С. Навашина и помочь ему».

Т.Д. Лысенко не ответил Ю.А. Жданову, а написал личное письмо Сталину. Сталин поручил Лысенко созвать сессию ВАСХНИЛ и выступить на ней с докладом. Первоначальный текст проекта заключения по сессии был подготовлен Д.Т. Шепиловым и М.Б. Митиным. Направляя его секретарю ЦК ВКП(б) АА Жданову, они писали 7 июля 1948 г.: «Направляем на Ваше рассмотрение проект сообщения ЦК ВКП(б) «О мичуринском направлении в биологии», исправленный согласно Ваших указаний». Ознакомившись с этим проектом, А.А. Жданов изменил его название, написав «О положении в советской биологической науке», внес значительную правку и дополнил ключительную часть сообщения критикой доклада Ю.А. Жданова.

10 июля 1948 г. А.А. Жданов и Г.М. Маленков направили проект сообщения И.В. Сталину. В результате проведенной работы получилось не краткое постановление, а обширное заявление на 22 машинописных страницах.

«О положении в советской биологической науке

За последние годы среди биологов развернулась широкая дискуссия по коренным вопросам биологической науки...

ЦК ВКП(б) считает, что в биологической науке сформировались два диаметрально противоположных направления: одно направление прогрессивное, материалистическое, мичуринское, названное по имени его основателя, выдающегося советского естествоиспытателя, великого преобразователя природы И.В. Мичурина и возглавляемое ныне академиком Т.Д. Лысенко; другое направление — реакционно-идеалистическое, менделевско-моргановское, основателями которого являются буржуазные биологи — Вейсман, Мендель и Морган и последователями их в советской биологической науке — акад. И.И. Шмальгаузен, профессор А.Р. Жебрак, Н.П. Дубинин, Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, М.С. Навашин и другие».

После данной преамбулы проекта шел раздел о менделизме-морганизме как буржуазном течении в биологической науке, нацеленном против учения Дарвина и его представителей в нашей стране, причем критика была направлена против А.Р. Жебрака, Н.П. Дубинина, И.И. Шмальгаузена, а также раздел о мичуринском направлении в биологии.

В заключении заявления говорилось: «Всякие попытки примирить борющиеся направления в науке, занять некоторую среднюю позицию между мичуринским направлением и менделевско-моргановским, смешать или объединить противоположные принципы неизбежно обречены на провал. В науке, как и в политике, противоречия разрешаются не путем примирения, а путем открытой борьбы.

Поэтому попытка Ю.А. Жданова в его лекции на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма», прочитанной на семинаре лекторов группы обкомов ВКП(б), эклектически примирить два противоположных направления в биологии является ошибочной.

Ошибочным является утверждение Ю.А. Жданова, что среди биологов нашей страны не существует двух ясно определившихся направлений, а имеется несколько «школ», каждая из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны. Докладчик пытался оторвать академика Лысенко от Мичурина и утверждал, что академик Лысенко развивает одну из сторон («веточек») мичуринского учения и что другие биологи, выступающие против академика Лысенко, будто бы тоже развивают мичуринское учение. Поэтому докладчик призывал к созданию «синтетической биологии», включающей все направления и «школы» в биологии.

Этот доклад противоречит позиции Центрального Комитета ВКП(б).

Вместо того чтобы вскрыть принципиальные различия двух направлений в биологии и подвернуть критике

консервативное антимиучуринское направление в биологической науке (акад. Шмальгаузен и другие), Ю.А. Жданов встал на неправильный путь, пытаясь примирить и объединить это реакционное направление в биологии с передовым и прогрессивным мичуринским направлением, развиваемым академиком Лысенко, причем крен критики был направлен с ударом по Лысенко.

Последователи менделизма-морганизма не раз предупреждались, что их направление в биологии чуждо советской науке и ведет к тупику. Тем не менее, менделисты-морганисты не только не извлекали должных уроков из этих предупреждений, но продолжают отстаивать и углублять свои ошибочные взгляды. До последнего времени идеи менделизма-морганизма продолжают пропагандироваться в литературе и особенно в учебной и преподавательской в высших учебных заведениях, а в ряде вузов и институтов Академии наук СССР менделевско-моргановское направление является господствующим на кафедрах генетики и биологии. Такое положение не может быть далее терпимо».

Судя по этому заключению и критике доклада Ю.А. Жданова, А.А. Жданов свои политические позиции к этому времени полностью проиграл и, естественно, осознавал это.

Вопрос о разгроме отечественной биологии был предрешен, но подготовка партийно-государственного акта велась в строжайшей тайне. Ученые еще не знали о подступившей трагедии. Они не потеряли пока надежды... И писали свои письма Сталину.

Но «корифей науки» и «вождь народов» уже не желал никого слушать. 23 июля он получил следующее послание:

«Товарищу И.В. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас просмотреть написанный мною доклад «О положении в советской биологической

науке», который должен быть доложен и для обсуждения на июльской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Я старался как можно лучше с научной стороны, правдиво изложить состояние вопроса.

Доклад т. Юрия Жданова формально я обошел, но фактически содержание моего доклада во многом является ответом на его неправильное выступление, ставшее довольно широко известным. Буду рад и счастлив получить Ваши замечания.

Президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина академик Т.Д. Лысенко
23 VII 1948 г.».

Сессия ВАСХНИЛ 1948 г.

Посвященная положению в биологической науке сессия нанесла сильный удар по генетике — ключевой науке современного естествознания. Единственно верным в биологии признавались взгляды Лысенко. Их назвали «мичуринским учением». Классическую генетику признали реакционным направлением в биологической науке. Т.Д. Лысенко назвал сессию ВАСХНИЛ, где он покончил со своими научными противниками, «великим праздником».

Сессия ВАСХНИЛ открылась неожиданно для всех 31 июля 1948 г. докладом Лысенко «О положении в биологической науке». В разгар каникул, экспедиций и отпусков внезапно начался очередной политический процесс — лысенковцы «судили» генетику и генетиков.

На сессии Лысенко сделал свой знаменитый доклад. В качестве основных лиц, против которых были направлены выступления Лысенко и его сторонников, были выбраны И.И. Шмальгаузен — морфолог и эволюционист, и генетики Н.П. Дубинин и А.Р. Жебрак. В докладе было сказано, что менделизм-вейсманнизм-морганнизм чужд советскому народу, стороннику твор-

ческого прогрессивного мичуринского учения. И вредны они и тем, что вместо того чтобы изучать законы генетики на хозяйственно важных животных, например, на коровах, проводят свои исследования на совершенно никому не нужной мушке дрозофиле. В традициях пропаганды того времени Лысенко сформулировал в своем докладе емкие лозунги. «Наука — враг случайностей» и «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». «Менделисты-морганисты-вейсманисты идеалистически и антидиалектически полагают, что за наследственность ответственны какие-то гены, которых никто и не видел. А также они полагают, что гены расположены в каких-то хромосомах, которых, может быть, и нет вовсе, а если они и есть, то их функции — это участие в обмене веществ. А поскольку они при этом утверждают, что хромосомы находятся в ядре, то и вовсе их вывод об особой роли ядерной наследственности реакционен, так как свойство наследственности принадлежит всем компонентам живого организма» [12].

Те немногие генетики, кто узнал об этой сессии и смог попасть на нее, пытались объяснить суть дела. Но эти объяснения только возбуждали агрессивность «мичуринцев». Для борьбы нужны враги. Нет на свете Вавилова и Кольцова. В июне 1948 г. умер заведующий кафедрой генетики Московского университета А.С. Серебровский.

А.Р. Жебрак в своем выступлении объяснял собравшимся смысл и результаты своих исследований по полиплоидии хозяйственно важных растений. Его пытался прерывать Лысенко. Но по существу ему возразить никто не мог.

Героем стал И.А. Рапопорт. Он узнал о сессии случайно. Она шла уже третий день. Туда пускали только по специальным пропускам. Чудом попав в зал заседаний, Рапопорт, достойный

ученик Кольцова, как отмечено в стенограмме, «отпускал оскорбительные реплики, допускал выкрики», до последнего защищая генетику: «Она является лучшей теорией, чем ваша. Обскуранты!» Он — военный разведчик, человек бесстрашный, прошел в зал и сразу, мгновенно ориентируясь, попросил слово. Это было очень важно — четко и резко объяснить значение классической генетики. Рапопорт своим выступлением спас честь российской науки.

Стенограмму выступлений на сессии ВАСХНИЛ уже в августе выпустили в свет тиражом 200 000 экз. Но была она тщательно проверена цензурой и все «провокационные» сюжеты были из нее изъяты. Нам достались рассказы, легенды очевидцев и их знакомых [13].

Совсем в другом стиле, чем Рапопорт, был другой герой сессии, — маститый академик, экономист В.С. Немчинов. Он был ректором главного сельскохозяйственного вуза страны — Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Он и ранее защищал классическую генетику и заведующего кафедрой генетики А.Р. Жебрака. Оскорбительные были обращаемые к нему реплики. Он держался... И сказал им в ответ замечательные слова «Хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд человечества». Тем самым спас честь российской интеллигенции своей позицией и бесстрашием...

На второй день после сессии академик В.С. Немчинов был снят с поста ректора ТСХА и исключен из партии. Но местное партийное начальство перестаралось и не приняло во внимание знакомство В.С. Немчинова с И.В. Сталиным. Последовало указание... и немедленно отменили решение об его исключении из партии...

Накануне вечером раздались телефонные звонки в квартирах некоторых «менделистов-морганистов» членов партии. Им звонили из «инстанций». И три

человека — выдающийся ботаник из школы Н.И. Вавилова проф. П.М. Жуковский, генетик, доц. Московского университета С.И. Алиханян и проф. И.М. Поляков выступили с заявлениями об изменении своих взглядов и «переходе в ряды мичуринцев».

Выступая с заключительным словом на этой сессии, Лысенко окончательно сформулировал тезис о том, что теория вероятностей и статистика нужны только менделистам-морганистам, а «мичуринской биологии» эти науки не нужны. Лысенко говорил: «Все так называемые законы менделизма-морганизма построены исключительно на идее случайности. В общем, живая природа представляется морганистам хаосом случайных, разорванных явлений, вне необходимых связей и закономерностей. Кругом господствует случайность. Не будучи в состоянии вскрыть закономерности живой природы, морганисты вынуждены прибегать к теории вероятности и, не понимая конкретного содержания биологических процессов, превращают биологическую науку в голую статистику. Недаром же зарубежные статистики — Гальтон, Пирсон, а теперь Фишер и Райт — также считаются основоположниками менделизма-морганизма. Наверное, по этой же причине и академик Немчинов заявил здесь, что у него, как у статистика, хромосомная теория наследственности легко укладывается в голову. Такие науки, как физика и химия, освободились от случайностей. Поэтому они стали точными науками. Живая природа развивалась и развивается на основе строжайших, присущих ей закономерностей. Организмы и виды развиваются на основе природных, присущих им необходимостей. Изживая из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманизм, мы тем самым изгоняем случайность из биологической науки. Нам необходимо твердо запомнить, что наука — враг случайностей».

На этом заседании в своем заключительном слове Т. Лысенко сказал, что его доклад одобрен Сталиным и закончил прямым обращением к нему.

Последствия сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Через два дня после окончания сессии, в «Правде», главной газете страны, было опубликовано письмо А.Р. Жебрака. Один из главных объектов лысенковских нападок, он так и сказал в своем вымученном «покаянии»: «До тех пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике... я настойчиво отстаивал свои взгляды... Но теперь, после того, как мне стало ясно, что основные положения мичуринского направления... одобрены ЦК ВКП(б), то я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным комитетом нашей партии».

Началась очередная охота «на ведьм». Повсюду: в вузах, в академиях и на опытных станциях — выявляли и истребляли генетику. Генетиков уволили, выгнали с работы после сессии. Раппорт пошел с рабочим-коллектором в геологические экспедиции, академик Шмальгаузен долгие годы работал дома, на даче, где писал книги. Выгнали всех преподавателей генетики из всех университетов. Только Немчинову, благодаря Сталину, было предоставлено вполне достойное академическое место председателя Совета по изучению производительных сил...

Стало опасно даже произносить слова «ген», «хромосома», упоминать без ругательств великие имена Менделя, Моргана, Вейсмана. Но арестовали непосредственно за борьбу против Лысенко пока одного В.П. Эфроимсона. Среди многих изгнанных тогда из Московского университета, одним из ярких исследователей был Дмитрий Анатольевич Сабинин (1889-1951). Он был одним из лучших лекторов Мос-

ковского университета, преподавал физиологию растений. Для Лысенко и его окружения было бы очень важно, чтобы Дмитрий Анатольевич согласился молчать, не выступать против них. Он не согласился. Он был уволен. Он надеялся теперь дописать и издать свою книгу по физиологии растений. Весной 1951 г. уже готовую книгу рассыпали в наборе» Д.А. Сабинин покончил с собой.

После сессии ВАСХНИЛ в стране началась вакханалия невежества. Тон задавал Лысенко. Он открыл, что виды превращаются один из другого скачком. Из пшеницы возникает рожь, из овса — сорняк овсюг. Ольга Борисовна Лепешинская заявила, с одобрения Сталина, что ею давно открыто образование клеток из бесформенного «живого вещества». Что Р. Вирхов — реакционный буржуазный ученый и что «вирховианство» аналогично менделизму-морганизму. Более 70 профессоров, протестовавших против этого бреда, были изгнаны из научных учреждений и университетов. Ее дочь — тоже Ольга (Пантелеймоновна) Лепешинская и зять Крюков публиковали в самых престижных научных журналах бред о превращении клеток в кристаллы и кристаллов в клетки. Бошьян опубликовал книгу «О происхождении вирусов и микробов». Он сообщил в ней, что вирусы превращаются в бактерии, а бактерии и низшие грибы могут превращаться в ... антибиотики. Из пенициллина образуется Пенициллум, плесневый гриб.

Говорят, умирающий Вавилов недоуменно вопрошал сам себя: «Неужели моя работа им не нужна?!» Тот же вопрос возникает у всякого, кто впервые узнает о сессии 1948 г. и ее последствиях. Дескать, как бы ни были жестоки Сталин и его окружение, какой резон был им разрушать научный потенциал собственной страны и тем самым обрекать ее на хроническую аграрную отсталость и зависимость от

импорта продовольствия? Ведь победа лысенковцев изолировала СССР от мировой биологии как раз накануне «зеленой революции» — невиданного в истории человечества скачка продуктивности основных продовольственных культур, ставшего результатом применения «оторванной от практики менделистско-морганистской схоластики».

В октябре 1948 г. в Ташкенте состоялось 2-е Всесоюзное совещание по математической статистике и теории вероятностей. «Участники совещания решительно осудили выступление акад. В.С. Немчинова, который на августовской сессии ВАСХНИЛ при помощи статистики пытался «обосновать» реакционные вейсманистские теории и по существу выступал с позиций махизма, навязывающего ей роль арбитра, стоящего над другими науками». Однако в точных науках власть не смогла добиться такого раскола, как в биологии. Сталин не только поддержал Лысенко и позволил ему выступить с докладом на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Он был редактором лысенковского доклада и его соавтором. Сталин читал и правил доклад Лысенко, прочитанный на сессии. Сталин вычеркнул из доклада Лысенко все упоминания о буржуазной биологии. В том месте, где Лысенко утверждал, что любая наука классовая, Сталин, например, написал на полях: «Ха-ха-ха, А как насчет математики, а как насчет дарвинизма?» Поэтому то, что произошло — это прямое проявление вторжения Сталина в управление наукой.

Сессия ВАСХНИЛ завершила свою работу 7 августа 1948 г. Уже 9 августа на ближайшем же заседании Оргбюро ЦК под председательством Г.М. Маленкова обсуждались мероприятия по проведению в жизнь рекомендаций сессии. То есть А.А. Жданов после сессии «выпал из колоды», победил Г.М. Маленков и вскоре 31 августа А.А. Жданов умер.

Заседание обсудило и вопрос «О мероприятиях по перестройке работы научных учреждений, кафедр, издательств и журналов в области биологии и укреплении этих участков квалифицированными кадрами — мичуринцами». Было принято следующее решение: «ЦК ВКП(б) считает нетерпимым, что важнейшие участки биологической науки до сих пор находятся в руках антимишуринцев-вейсманистов (менделистов-морганистов». И далее был принят ряд постановлений по ликвидации менделистов-морганистов из преподавания и исследовательской работы.

На этом же заседании Оргбюро ЦК провели и первые персональные изменения. Так, был снят с поста ректора Московской с.-х. академии имени К.А. Тимирязева крупнейший ученый в области экономики и статистики сельского хозяйства, отважный защитник генетики на сессии ВАСХНИЛ, академик В.С. Немчинов и на его место утвердили кандидата наук В.Н. Столетова. Ректором старейшего в Сибири Томского государственного университета вместо В.А. Пегеля был назначен В.Т. Макаров. Во многих вузах были назначены новые деканы биологических факультетов и заведующие кафедрами. Затем освободили И.И. Шмальгаузена от заведования кафедрой, а С.Д. Юринцева от обязанностей декана Московского государственного университета. На обе эти должности был утвержден И.И. Презент. На место заведующего кафедрой генетики Московской с.-х. академии имени Тимирязева А.Р. Жебрака был назначен Т.Д. Лысенко. Заменяли декана биологического факультета Ленинградского государственного университета — вместо освобожденного М.Е. Лобашева был утвержден Н.В. Турбин.

Оргбюро ЦК освободило от обязанностей проректора по научной части Ленинградского государственного университета Ю.И. Полянского, но его преемник определен не был. По каж-

дому из этих пяти персональных вопросов с обоснованием производимых перемен выступали Шепилов, Кафтанов и Маленков. Все персональные изменения выносились на утверждение Политбюро ЦК, т.е. Сталина, и были им одобрены.

Как орган политического руководства Секретариат ЦК 11 августа 1948 г. обсудил и вопросы издания и широкой пропаганды материалов сессии ВАСХНИЛ. 16 августа 1948 г. Секретариат ЦК вновь обсудил комплекс вопросов по утверждению мичуринского учения и по представлению комиссий, образованных на предыдущем заседании, принял ряд постановлений, в частности, «О состоянии преподавания биологических наук и о мерах по укреплению биологических кафедр в высших учебных заведениях» говорилось:

«Заслушав отчет т. Кафтана, ЦК ВКП(б) отмечает неудовлетворительное руководство со стороны Министерства высшего образования делом преподавания биологических наук в высших учебных заведениях.

В ряде важнейших высших учебных заведений на кафедрах биологических наук и в экспертных комиссиях по биологии Высшей аттестационной комиссии руководящие посты оказались в руках сторонников вейсманистского (менделевско-моргановского) направления (Шмальгаузен, Жебрак, Завадовский, Жуковский, Поляков и др.), а сторонники передовой советской биологии были оттеснены».

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) обязал Министерство высшего образования СССР (т. Кафтана): в месячный срок укрепить состав руководителей кафедр и преподавателей биологических дисциплин в сельскохозяйственных, педагогических и медицинских институтах и на биологических факультетах университетов квалифицированными кадрами-мичуринцами; в недельный срок пересмотреть состав экспертных комиссий по биологии ВАК при

Министерстве высшего образования, привлечь к работе комиссий авторитетных деятелей передовой советской науки; в месячный срок пересмотреть и переработать учебные планы и программы преподавания биологических наук с тем, чтобы обеспечить в вузах правильное и всестороннее освещение вопросов дарвинизма и мичуринского учения. Планы издания для вузов учебников и учебных пособий должны были представляться на рассмотрение ЦК ВКП(б). Министр высшего образования т. Кафтанов был обязан представить отчет о выполнении данного постановления к 1 октября 1948 г.

16 августа 1948 г. было принято и постановление ЦК ВКП(б) «О мерах укрепления биологических учреждений Академии наук СССР», текст приводится ниже:

«ЦК ВКП(б) отмечает неудовлетворительное руководство со стороны президиума Академии наук СССР биологическими учреждениями Академии. В ряде биологических институтов и лабораторий Академии наук СССР при поддержке со стороны бюро отделения биологических наук Академии третиновалось передовое мичуринское направление в биологии, поддерживались метафизические концепции последователей реакционных теорий Вейсмана, Менделя, Моргана. На руководящих постах некоторых биологических учреждений Академии наук оказались противники мичуринского учения. Научные учреждения отделения биологических наук слабо содействуют решению практических задач социалистического строительства.

Считая одной из важнейших задач Академии наук СССР и ее биологических учреждений развитие передовой мичуринской биологической науки, связанной с практикой социалистического строительства, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Пересмотреть план основных научно-исследовательских работ биологических учреждений Академии наук

СССР, изъять из плана антинаучную вейсмановскую тематику и заменить ее актуальными проблемами, отвечающими задачам социалистического строительства, разработать мероприятия по внедрению достижений биологических наук в сельское хозяйство.

Для пересмотра плана научно-исследовательских работ Академии наук в области биологии создать комиссию в составе: Вавилова, Лысенко, Орбели, Опарина, Бенедиктова, Кафтanova, Смирнова, Скворцова, Столетова, Глушенко, Лобанова, Скрябина.

2. Предложить президиуму Академии наук СССР:

а) укрепить бюро отделения биологических наук Академии и важнейшие участки биологических учреждений квалифицированными кадрами ученых-мичуринцев и обеспечить разработку биологическими учреждениями Академии наук СССР наиболее актуальных проблем биологической науки, отвечающих насущным вопросам социалистического строительства;

б) упразднить, как самостоятельную научную единицу, в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии лабораторию цитогенетики, возглавляемую проф. Дубининым, как стоящую на антинаучных позициях и доказавшую в течение ряда лет свое практическое бесплодие; использовать научных работников лаборатории, способных перестроить свои исследовательские работы на основе мичуринской методологии, в соответствующих институтах биологического отделения, либо на практической работе в области сельского хозяйства;

в) пересмотреть в срок до 1 октября 1948 г. план издания научных трудов Академии в области биологии; укрепить состав редколлегии периодических изданий отделения биологических наук передовыми учеными-мичуринцами;

г) пересмотреть план подготовки аспирантов при институтах отделения биологических наук, руководствуясь в

деле подготовки научных кадров интересами развития мичуринской биологической науки;

д) включить в план Комиссии по изданию научно-популярной литературы при президиуме Академии подготовку книг и брошюр, популяризирующих мичуринское учение.

3. Принять к сведению сообщение т. Вавилова С.И., что в ближайшие дни будет создан президиум Академии наук СССР для рассмотрения вопроса о мерах укрепления биологического отделения и биологических институтов Академии наук СССР и что на заседании президиума будут приняты решения в духе настоящего постановления ЦК».

23 августа 1948 г. министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов издал приказ № 1208 «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев». Согласно этому приказу в вузах создавались комиссии, которые должны были пересмотреть учебные программы по всем учебным дисциплинам, изменить тематику кандидатских работ аспирантов и т.д.

Возглавляли эти комиссии особо доверенные лица. По приказу № 144 от 9 сентября 1948 г. по Томскому государственному университету эту комиссию возглавил доцент И.П. Лаптев, бывший в то время секретарем парторганизации университета.

По этому же приказу министра из библиотек изымался ряд учебников и учебных пособий по генетике и селекции.

26 августа 1948 г. Президиум АН СССР принял решение о пересмотре состава редакционных коллегий биологических журналов АН с целью выведения из них сторонников вейсмановско-морганистской генетики и пополнения их представителями передовой мичуринской биологии.

Важно подчеркнуть, что августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. привела в действие целую серию подобных же разгромных для науки мероприятий. И это уже нельзя объяснить личностными характеристиками тех или иных деятелей, таких как Т.Д. Лысенко.

13 августа 1948 г. в Институте философии АН СССР состоялось совещание работников философии, посвященное изучению итогов августовской сессии. На заседание были приглашены и представители «мичуринской биологии». 24-26 августа состоялось расширенное заседание президиума АН СССР по вопросу «О состоянии и задачах биологической науки в учреждениях Академии наук СССР». Все эти мероприятия полностью одобрили решения и выводы сессии ВАСХНИЛ. В июне 1950 г. «... отдел науки ЦК КПСС организует Павловскую сессию». Так назвали объединенную сессию двух академий «большой» и медицинской, собранную для установления иерархического порядка в физиологии. Главный враг определен. Орбели будет играть роль Шмальгаузена на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. После сессии — увольнение, изгнания из университетов и научных институтов. Прекращение исследований в неортодоксальных направлениях.

11 июня 1951 г. состоялось Всесоюзное совещание по состоянию теории химического строения в органической химии. Главные обвиняемые Я.К. Сыркин и М.Е. Дяткина были изгнаны из университета, а из Физико-химического института имени Карпова был уволен Л.А. Блюменфельд.

После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. гонению подверглась не только генетика, но и непосредственно статистика. Нападки на статистику, как один из основных инструментов генетики, сразу же дали ожидаемый результат. Биологи и медики тех лет поняли, что использовать статис-

тику опасно, так как могут причислить к менделистам-морганистам и обвинить в преклонении перед иностранщиной и космополитизме.

После августовского погрома в результате стало очевидно, что в СССР практически не осталось исследователей, обладающих своим мнением и имеющим мужество его публично не только высказывать, но и отстаивать, просто потому, что это сразу приводило, во всяком случае, к запрету на профессию исследователя. Власть же без идеологической опоры на деятелей интеллектуальной сферы, движущую силу развития социума — ничто. По сути, так был заложен экономический тормоз развития и последующий распад Советского Союза... Несмотря на огромный вклад советских ученых в начальный период развития генетики, теперь основные открытия делались западными учеными, нередко благодаря достижениям российских школ генетиков. Сталин, арестом Вавилова, смертью Кольцова, загнал советских ученых на научную периферию. Это вело к тому, что наши ученые начинали во всех вопросах оглядываться на Запад. Выкорчевать научный «периферизм» в науке, начавший развиваться в СССР, психологически вряд ли возможно.

Конечно, Т.Д. Лысенко и его сторонники причастны не только к переломанным судьбам генетиков, но и к прямому-противодействию развитию мировой науки. Достаточно вспомнить хотя бы открытия отечественных ученых, оказавшиеся недоступными их западным коллегам и переоткрытые ими заново — тот же искусственный мутагенез или генетический метод борьбы с вредителями. Но, видимо, они были только исполнителями. Когда идет борьба между кланами — дело не в генетике или в музыке, а в том, кто какому клану принадлежит. И пока эта простая мысль — невозможность развития при наличии клановости —

не будет усвоена, риск повторения всегда существует.

Противостояние классической и «мичуринской» биологии, собственно, никогда и не было борьбой научных школ. Оно длилось ровно столько, сколько у «партии и правительства» хватало желания и самоуверенности вмешиваться в науку. Никто никогда не «разоблачал» и не «отменял» теории Лысенко, даже не сменили название Одесского института имени Т.Д. Лысенко. В постановлении 1964 г., предопределившем его окончательное падение, речь шла лишь о предоставлении ему и его оппонентам равных возможностей для работы и публикаций. Этого было достаточно, чтобы в течение буквально нескольких недель лысенковщина исчезла не только из научной периодики, но и из вузовских и даже школьных курсов — при том, что большинство ответственных постов в биологии продолжали занимать ставленники Лысенко или люди, публично ему присягавшие. Если сам Лысенко всерьез верил в свои построения, а его главный идеолог Исая Президент был, судя по всему, по дьявольски равнодушен к истинности или ложности проповедуемых им взглядов, то научное сообщество, даже та его часть, что связала себя с «народным академиком», всегда знало, на чьей стороне правда. Там же, где невозможно было опираться на силу государства, лысенковщина и вовсе не имела никакого успеха. Тем не менее, в результате трагического вовлечения представителей творческих профессий в клановую борьбу за власть утеряны научные школы и целые научные поколения, нарушена преемственность традиций российской науки.

Что же это было? И как можно предупреждать и избегать повторения таких разрушительных исторических витков? Может быть — просто хорошо помнить о них и о том, сколько они стоили стране...

Библиографический список

1. *Баутин В.М., Глазко В.И.* Н.И. Вавилов и научное «киллерство». М.: Изв. ТСХА, 2007. Вып. 4. С. 4-15.
2. *Вавилов Н.И.* Проблема растительного каучука в Северной Америке. Современное состояние использования диких каучуконосных растений и культура их в Северной Америке под углом решения проблемы растительного каучука в СССР // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1931. Т. 26. Вып. 3. — 3. *Дубинин Н.П.* Генетика — страницы истории. Кишинев, 1988. — 4. *Дубинин Н.П.* История и трагедия-советской генетики. М.: Наука, 1992. — 5. *Жданов Ю.А.* Во мгле противоречий // Вопросы философии, 1983. №7. — 6. *Есаков В., Левина Е.* Из истории борьбы с лысенковщиной // Известия ЦК КПСС, 1991. № 4, 6, 7. — 7. *Лысенко Т.Д.* Яровизация — это миллионы пудов добавочного урожая // Известия. 1935. 15 февраля. — 8. *Лысенко Т.Д.* По поводу статьи академика Н. И. Вавилова // Яровизация, 1939. №1. — 9. *Лысенко Т.Д.* Агробиология. (5-е изд.). М.: С.-х. биология, 1949. — 10. *Лысенко Т.Д.* Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений // Ж. Бюллетень яровизации, 1932. № 4. С. 3-57 (на русском и украинском языках), перепечатана в книге «Стадийное развитие растений», 1952. С. 270-271. — 11. *Медведев Ж.* Взлет и падение Т.Л. Лысенко, Нью-Йорк, 1971. — 12. О положении в биологической науке» Стенографический отчет о сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. 31 июля 7 августа 1948 г. ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948. — 13. *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993. — 14. Спорные вопросы генетики и селекции: работы IV сессии академии — 19—27 декабря 1936 г. М.; Л., 1937. — 15. *Туманян М.* Ветвистая мягкая пшеница // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1934. Сер. 5. №2. — 16. Экономическая жизнь, 1931. 29 января. — 17. *Dunn L.C.A.* Short History of Genetics. N.Y., 1965. — 18. *Mangelsdorf P.C.* Hybrid Corn // Genetics in the

20th Century. N.Y., 1951. P. 551-571. — **19.** *Sturtevant A.H.A.* History of Genetics. N.Y., 1965. P. 45-57. — **20.** *Dunn I., C. A.* Short History of Genetics. N. Y., 1965. — **21.** *Sturtevant A. H. A.* History of Genetics. N. Y., 1965. P. 45-57. — **22.** *Mangelsdorf P.C* Hybrid Corn // Genetics in the 20th Century. N. Y., 1951. P. 551-557.

SUMMARY

History of Session VASHNIL in 1948 and its results have shown, that there were no winners. The Science has lost - both world, and domestic, as the Soviet genetic scientific school was, alongside with American and German, one of the strongest in the world. The school has been destroyed. Scientific schools have been subjected to repression, have changed sphere of professional interests, have lost a scientific priority or have emigrated. Agrarian sector of the National economy has lost, and, hence, also Military-economic Potential of the former USSR The Government and personally I.S. Stalin have lost, who reduced material resources of their influence. The Ideology of marxism as a basis of the stability of Soviet Social System has lost. Finally, also «lysenkovtcy» have lost. Doubtfully that by the end of life they could consider their destiny successful. Those who has departed from ideas of Lysenko have lost also, they could not realize their scientific potential to the full. Lysenkovichina is not the creation of separate pseudo-scientists, that is are asocial phenomenon which has deeply taken roots in the public consciousness, continuing also today to yield the bitter fruits.